

Алексей Николаевич Апухтин (1840-1893)

Жизнь

О жизнь! ты миг, но миг прекрасный,
Мне невозвратный, дорогой;
Равно счастливый и несчастный
Расстаться не хотят с тобой.

Ты миг, но данный нам от Бога
Не для того, чтобы роптать
На свой удел, свою дорогу
И дар бесценный проклинать.

Но чтобы жизнью наслаждаться,
Но чтобы ею дорожить,
Перед судьбой не преклоняться,
Молиться, веровать, любить.

10 августа 1853

Голгофа

Распятый на кресте нечистыми руками,
Меж двух разбойников Сын Божий умирал.
Кругом мучители нестройными толпами,
У ног рыдала мать; девятый час настал:
Он предал дух Отцу. И тьма объяла землю.
И гром гремел, и, гласу гнева внимля,
Евреи в страхе пали ниц...
И дрогнула земля, разверзлась тьма гробниц,
И мертвые, восстав, явились живыми...
А между тем в далеком Риме
Надменный временщик безумно пировал,
Стяжанием неправедным богатый,
И у ворот его палаты
Голодный нищий умирал.
А между тем софист, на догматы ученья
Все доводы ума напрасно истощив,
Под бременем неправд, под игом заблужденья,
Являлся в сонмищах уныл и молчалив.
Народ блуждал во тьме порока,
Несли стенания с земли.
Всё ждало истины...
И скоро от Востока
Пришельцы новое ученье принесли.

И, старцы разумом и юные душою,
С молитвой пламенной, с крестом на раменах,
Они пришли - и пали в прах
Слепые мудрецы пред речию святою.
И нищий жизнь благословил,
И в запустении богатого обитель,
И в прахе идола, а в храмах Бога сил
Сияет на кресте голгофский Искупитель!

17 апреля 1855

Моление о чаше

В саду Гефсиманском стоял Он один,
Предсмертную мукой томимый.
Отцу Всеблагому в тоске нестерпимой
Молился страдающий Сын.

"Когда то возможно,
Пусть, Отче, минует Мя чаша сия,
Однако да сбудется воля Твоя..."
И шел Он к апостолам с думой тревожной,
Но, скованы тяжкой дремой,
Апостолы спали под тенью оливы,
И тихо сказал Он им: "Как не могли вы
Единого часа побдети со Мной?
Молитесь! Плоть немощна ваша!..."
И шел Он молиться опять:
"Но если не может Меня миновать -
Не пить чтоб ее - эта чаша,
Пусть будет, как хочешь Ты, Отче!" И вновь
Объял Его ужас смертельный,
И пот Его падал на землю как кровь,
И ждал Он в тоске беспредельной.
И снова к апостолам Он подходил,
Но спали апостолы сном непробудным,
И те же слова Он Отцу говорил,
И пал на лицо, и скорбел, и тужил,
Смущаясь в борении трудном!..

О, если б я мог
В саду Гефсиманском явиться с мольбами,
И видеть следы от Божественных ног,
И жгучими плакать слезами!
О, если б я мог
Упасть на холодный песок
И землю лобзать ту святую,
Где так одиноко страдала любовь,
Где пот от лица Его падал как кровь,

Где чашу Он ждал роковую!
О, если б в ту ночь кто-нибудь,
В ту страшную ночь искупленья,
Страдальцу в изнывшую грудь
Влил слово одно утешенья!
Но было все тихо во мраке ночном,
Но спали апостолы тягостным сном,
Забыв, что грозит им невзгода;
И в сад Гефсиманский с дрекольем, с мечом,
Влекомы Иудой, входили тайком
Несметные сонмы народа!

1868

Реквием

*Requiem aeternam dona eis,
Domine, et lux perpetua luceat
eis.¹*

1

Вечный покой отстрадавшему много томительных лет,
Пусть осияет раба Твоего нескончаемый свет!
Дай ему, Господи, дай ему, наша защита, покров,
Вечный покой со святыми Твоими во веки веков!

2

Dies irae²

О, что за день тогда ужасный встанет,
Когда архангела труба
Над изумленным миром грянет
И воскресит владыку и раба!

О, как они, смутясь, поникнут долу,
Цари могучие земли,
Когда к Всевышнему Престолу
Они предстанут в прахе и в пыли!

Дела и мысли строго разбирая,
Воссядет Вечный Судия,
Прочтется книга роковая,

¹ Вечный покой дай им, Господи, и вечный свет их осияет (лат.)

² День гнева... (лат.)

Где вписаны все тайны бытия.

Все, что таилось от людского зренья,
Наружу выплывет со дна,
И не останется без мщенья
Забытая обида ни одна!

И доброго, и вредного посева
Плоды пожнуты все тогда...
То будет день тоски и гнева,
То будет день унынья и стыда!

3

Без могучей силы знанья
И без гордости былой
Человек, венец созданья,
Робок станет пред Тобой.

Если в день тот безутешный
Даже праведник вздрогнет,
Что же он ответит - грешный?
Где защитника найдет?

Все внезапно прояснится,
Что казалось темно,
Встрепенется, разгорится
Совесь, спавшая давно.

И когда она укажет
На земное бытие,
Что он скажет, что он скажет
В оправдание свое?

4

С воплем бессилия, с криком печали
Жалок и слаб он явился на свет,
В это мгновенье ему не сказали:
Выбор свободен - живи или нет.
С детства твердили ему ежечасно:
Сколько б ни встретил ты горя, потерь,
Помни, что в мире все мудро, прекрасно,
Люди все братья,- люби их и верь!
В юную душу с мечтою и думой
Страсти нахлынули мутной волной...
"Надо бороться",- сказали угрюмо
Те, что царили над юной душой.
Были усилья тревожны и жгучи,

Но не по силам пришлось борьба.
Кто так устроил, что страсти могучи,
Кто так устроил, что воля слаба?
Много любил он, любовь изменяла,
Дружба... увы, изменила и та;
Зависть к ней тихо подкралась сначала,
С завистью вместе пришла клевета.
Скрылись друзья, отвернулись братья...
Господи, Господи, видел Ты Сам,
Как шевельнулись впервые проклятья
Счастью быломu, вчерашним мечтам;
Как постепенно, в тоске изнывая,
Видя одни лишь неправды земли,
Ожесточилась душа молодая,
Как одинокие слезы текли;
Как наконец, утомяся борьбою,
Возненавидя себя и людей,
Он усомнился скорбящей душою
В мудрости мира и в правде Твоей!
Скучной толпой проносились годы,
Бури стихали, яснил его путь...
Изредка только, как гул непогоды,
Память стучала в разбитую грудь.
Только что тихие дни засияли -
Смерть на пороге... откуда? зачем?
С воплем бессилия, с криком печали
Он повалился недвижим и нем.
Вот он, смотрите, лежит без дыханья...
Боже! к чему он родился и рос?
Эти сомненья, измены, страданья,-
Боже, зачем же он их перенес?
Пусть хоть слеза над усопшим прольется,
Пусть хоть теперь замолчит клевета...
Сердце, горячее сердце не бьется,
Вежды сомкнуты, безмолвны уста.
Скоро нещадное, грозное тленье
Ляжет печатью на нем роковой...
Дай ему, Боже, грехов отпущенье,
Дай ему вечный покой!

5

Вечный покой отстрадавшему много томительных лет.
Пусть осияет раба Твоего нескончаемый свет!
Дай ему, Господи, дай ему, наша защита, покров,
Вечный покой со святыми Твоими во веки веков!..

Конец 1860-х годов

* * *

Исход, глава XIV, стих XX

Когда Израиля в пустыне враг настиг,
Чтоб путь ему пресечь в обещанные страны,
Тогда Господь столп облачный воздвиг,
Который разделил враждующие станы.
Одних он тьмой объял до утренних лучей,
Другим всю ночь он лил потоки света.

О, как душе тоскующей моей
Близка святая повесть эта!
В пустыне жизненной мы встретились давно,
Друг друга ищем мы и сердцем и очами,
Но сблизиться нам, верь, не суждено:
Столп облачный стоит и между нами.
Тебе он светит яркою звездой,
Как солнца луч тебя он греет,
А мой удел, увы! другой:
Оттуда мне лишь ночью веет,
И безотрадной и глухой!

Начало 1870-х годов

"Оглашении, изыдите!"

В пустыне мыкаясь, скиталец бесприютный
Однажды вечером увидел светлый храм.
Огни горели там, курился фимиам,
И пенье слышалось... Надеждою минутной
В нем оживился дух. - Давно уж он блуждал,
Иссохло сердце в нем, изныла грудь с дороги;
Колючим тернием истерзанные ноги
И дождь давно не освежал.
Что в долгих странствиях на сердце накопело,
О чем он мыслил, что любил -
Все странник в жаркую молитву перелил
И в храм вступил походкою несмелой.
Но тут кругом раздался крик:
"Кто этот новый гость? Зачем в обитель Бога
Пришлец незнаемый проник?
Здесь места нет ему, долой его с порога!" -
И был из храма изгнан он,
Проклятьями, как громом, поражен.
И вот пред ним опять безрадостно и ровно
Дорога стелется... Уж поздно. День погас.
А он? Он все стоит у паперти церковной,
Чтобы на Божий храм взглянуть в последний раз.

Не ждет он от него пощады, ни прощенья,
К земле бессильная склонилась голова,
И, весь дрожа под гнетом оскорбленья,
Он слушает, исполненный смущенья,
Его клянущие слова.

1883

* * *

Ты спишь, дитя, а я встаю,
Чтоб слезы лить в немой печали,
Но на твоём лице оставить не дерзали
Страдания печать ужасную свою.
По-прежнему улыбка молодая
Цветет на розовых устах,
И детский смех, мой ропот прерывая,
Нередко слышится в давно глухих стенах!
Полураскрыты глазки голубые,
Плечо и грудь обнажены,
И наподобие волны
Играют кудри золотые...
О, если бы ты знал, младенец милый мой,
С какой тоскою сердце бьется,
Когда к моей груди прильнешь ты головой
И звонкий поцелуй щеки моей коснется!
Воспоминанья давят грудь...
Как нежно обнимал отец тебя порою!
И верь, уж год как нет его с тобою.
Ах, если б вместе с ним в гробу и мне заснуть!..
Заснуть?.. А ты, ребенок милый,
Как в мире жить ты будешь без меня?
Нет, нет! Я не хочу безвременной могилы:
Пусть буду мучиться, страдать!.. Но для тебя!
И не понять тебе моих страданий,
Еще ты жизни не видал,
Не видел горьких испытаний
И мимолетной радости не знал.
Когда ж, значения слезы не понимая,
В моих глазах ее заметишь ты,
Склоняется ко мне головка молодая,
И предо мной встают знакомые черты...
Спи, ангел, спи, неведеньем счастливый
Всех радостей и горестей земных:
Сон беспокойный, нечестивый
Да не коснется вежд твоих,
Но божий ангел светозарный
К тебе с небес да низойдет
И гимн молитвы благодарной
К престолу божию наутро отнесет.

5 сентября 1854, Санкт-Петербург

ГОД В МОНАСТЫРЕ (ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА)

15 ноября

О, наконец! Из вражеского стана
Я убежал, израненный боец...
Из мира лжи, измены и обмана
Полуживой я спасся наконец!
В моей душе ни злобы нет, ни мщенья,
На подвиги и жертвы я готов...

Обитель мира, смерти и забвенья,
Прими меня под твой смиренный кров!

16 ноября

Игумен призывал меня. Он важен,
Но обходителен; радушно заявил,
Что я к монастырю уж "приукажен",
И камилавкою меня благословил.
Затем сказал: "Ты будешь в послушаньи
У старца Михаила. Он стоит
Как некий столб меж нас, им наш украшен скит,
И он у всех в великом почитаньи.
Все помыслы ему ты должен открывать
И исполнять безропотно веленья,
Да снизойдет к тебе Господня благодать
И да обрящешь путь спасенья!"

Итак, свершилось: я монах!
И в первый раз в своей одежде новой
Ко всенощной пошел. В ребяческих мечтах
Мне так пленительно звучало это слово,
И раем монастырь казался мне тогда.
Потом я в омут жизни окунулся
И веру потерял... Но вот прошли года,-
И к детским грезам снова я вернулся.

1 декабря

Уж две недели я живу в монастыре
Среди молчания и тишины глубокой.
Наш монастырь построен на горе
И обнесен оградой высокой.
Из башни летом вид чудесный, говорят,
На дальние леса, озера и селенья;
Меж кельями разбросанными - сад,
Где множество цветов и редкие растенья
(Цветами монастырь наш славился давно).

Весной в нем рай земной, но ныне
Глубоким снегом все занесено,
Все кажется мне белою пустыней,
И только куполы церквей
Сверкают золотом над ней.
Направо от ворот, вблизи собора,
Из-за деревьев едва видна,
Моя уютится келья в два окна.
Приманки мало в ней для суетного взора:
Дощатая кровать, покрытая ковром,
Два стула кожаных, меж окон стол дубовый
И полка книг церковных над столом;
В ките лик Христа, на Нем венец терновый.

Жизнь монастырская без бурь и без страстей
Мне кажется каким-то сном беспечным.
Не слышу светских фраз, затверженных речей
С их вечной ложью и злословьем вечным,
Не вижу пошлых, злобных лиц...
Одно смущает: недостаток веры,
Но Бог поможет мне; Его любви нет меры
И милосердью нет границ!
Проснувшись, каждый день я к старцу Михаилу
Иду на послушанье в скит.
Ему на вид лет сто, он ходит через силу,
Но взор его сверкает и горит
Глубокой, крепкой верой в Бога
И в душу смотрит пристально и строго.
Вчера сказал он с гневом мне,
Что одержим я духом своеволья
И гордости, подобно сатане;
Потом повел меня в подполье
И показал мне гроб, в котором тридцать лет
Спит, как мертвец, он, саваном одет,
Готовясь к жизни бесконечной...
Я с умилением и горестью сердечной
Смотрел на этот одр унынья и борьбы.
Но старец спит в нем только летом;
Теперь в гробу суровом этом
Хранятся овощи, картофель и грибы.

10 декабря

День знаменательный, и как бы я его
Мог описать, когда бы был поэтом!
По приказанью старца моего
Поехал я рубить дрова с рассветом
В сосновый бор. Я помню, в первый раз
Я проезжал его, томим тяжелой думой;
Октябрьский серый вечер гас,

И лес казался мне могилою угрюмой:
Так был тогда он мрачен и уныл!
Теперь блеснул он мне красою небывалой.
В восторге, как ребенок малый,
Я вежды широко раскрыл.
Покрыта парчевым блестящим одеяньем,
Стояла предо мной гигантская сосна;
Кругом глубокая такая тишина,
Что нарушать ее боялся я дыханьем.
Деревья стройные, как небеса светлы,
Вели, казалось, в глубь серебряного сада,
И хлопья снежные, пушисты, тяжелы,
Повисли на ветвях, как гроздья винограда.
И долго я стоял без мыслей и без слов...
Когда же топора впервые звук раздался,
Весь лес заговорил, затопал, засмеялся
Как бы от тысячи невидимых шагов.
А щеки мне щипал мороз сердитый,
И я рубил, рубил, один в глуши лесной...
К полудню возвратился я домой
Усталый, инеем покрытый.
О, никогда, мои друзья,
Так не был весел и доволен я
На ваших сходках монотонных
И на цинических пирах,
На ваших раутах игриво-похоронных,
На ваших скучных пикниках!

12 декабря

Неверие мое меня томит и мучит,
Я слепо верить не могу.
Пусть разум веры враг и нас лукаво учит,
Но нехотя внимаю я врагу.
Увы, заблудшая овца я в Божьем стаде...
Наш ризничий - известный Варлаам -
Читал сегодня проповедь об аде.
Подробно, радостно, как будто видел сам,
Описывал, что делается там:
И стоны грешников, молящих о пощаде,
И совести, и глаз, и рук, и ног
Разнообразные страданья...
Я заглушить в душе не мог негодованья.
Ужели правосудный Бог
За краткий миг грехопаденья
Нас мукой вечною казнит?
И вечером побрел я в скит,
Чтоб эти мысли и сомненья
Поведать старцу. Старец Михаил
Отчасти только мне сомненья разрешил.

Он мне сказал, что, верно, с колыбели
Во мне все мысли грешные живут,
Что я смердящий пес и дьявольский сосуд...
Да, помыслы мои успеха не имели!

20 декабря

Увы! меня открыли! Пишет брат,
Что всюду о моем побеге говорят,
Что все смеются до упаду,
Что басней города я стал, к стыду друзей,
И просит прекратить скорей
Мою, как говорит он, "ескападу".
Я басня города! Не все ли мне равно?
В далекой, ранней юности, бывало,
Боялся я того, что может быть смешно,
Но это чувство скоро миновало.
Теперь, когда с людьми все связи порваны,
Как сами мне они и жалки, и смешны!
Мне дела нет до мненья света,
Но мнение одно хотел бы я узнать...
Что говорит она? Впервые слово это
Я заносу в заветную тетрадь...
Ее не назвал я... но что-то
Кольнуло сердце, как ножом.
Ужель ничем, ничем: ни трудною работой,
Ни долгою молитвой, ни постом
Из сердца вырвать не придется
Воспоминаний роковых?
Оно, как прежде, ими бьется,
Они и в снах, и в помыслах моих,
Смешно же лгать перед самим собою...
Но этих помыслов я старцу не открою!

24 декабря

Восторженный канон Дамаскина
У всенощной сегодня пели,
И умилением душа была полна,
И чудные слова мне душу разогрели.
"Владыка в древности чудесно спас народ..."
О верю, верю. Он и в наши дни придет
И чудеса свершит другие.
О Боже! не народ - последний из людей
Зовет Тебя, тоскою смертной полный...
В моей душе бушуют также волны
Воспоминаний и страстей.
Он волны осушил морски
О, осуши же их своей могучей дланью!

Как солнцем освети греховных мыслей тьму...
О, снизойди к ничтожному созданию!
О, помоги неверью моему!

31 декабря

На монастырской башне полночь бьет,
И в бездну падает тяжелый, грустный год.
Я с ним простился тихо, хладнокровно,
Один в своем углу: все спит в монастыре.
У нас и службы нет церковной,
Здесь Новый год встречают в сентябре.
В миру, бывало, я, в гостинной шумной стоя,
Вел тихий разговор с судьбой наедине.
Молил я счастья, - теперь молю покоя...
Чего еще желать, к чему стремиться мне?
А год тому назад... Мы были вместе с нею,
Как будущее нам казалось светло,
Как сердце жгла она улыбкою своею,
Как платье белое к ней шло!

11 января

Сегодня сценою печальной
Весь монастырь взволнован был.
Есть послушник у нас, по имени Кирилл.
Пришел он из Сибири дальней
Еще весной и все привлек сердца
Своею кротостью и верой без предела.
Он сын единственный богатого купца,
Но верой пламенной душа его горела
От первых детских лет. Таил он мысль свою,
И вот однажды бросил дом, семью,
Оставивши письмо, что на служенье Богу
Уходит он. Отец и мать
Чуть не сошли с ума; потом его искать
Отправились в безвестную дорогу.
Семь месяцев, влача томительные дни,
По всем монастырям скитались они.
Вчера с надеждою последней
Приехали сюда, не зная ничего,
И нынче вдруг за раннею обедней
Увидели Кирюшу своего...

Вся братия стояла у собора,
Кирилл молчал, не поднимая взора.
Отец - осанистый, седой как лунь старик -
Степенно начал речь, но столько впечатлений

Не вынесла душа: он головой поник
И стал пред сыном на колени.
Он заклинал его Христом
Вернуться снова в отчий дом,
Он говорил, как жизнь ему постыла...
"На что богатства мне? Кому их передать?
Кирюша, воротись! Возьмет меня могила -
Опять придешь сюда: тебе недолго ждать!"
Игумен отвечал красноречиво, ясно,
Что это благодать, а не напасть,
Что горевать отцу напрасно,
Что сын его избрал благую часть,
Что он грехи отцовские замолит,
Что тяжело идти от света в тьму,
Что, впрочем, он его остаться не неволит:
"Пускай решает сам по сердцу своему!"
А мать молчала. Робкими глазами
Смотрела то на сына, то на храм,
И зарыдала вдруг, припав к его ногам,
И таял белый снег под жгучими слезами.
Кирилл бледнел, бледнел; в душе его опять,
Казалось, перелом какой-то совершался,
Не выдержал и он: обняв отца и мать,
Заплакал горько... но остался.
Так наша жизнь идет: везде борьба, разлад...
Кого ж Ты осудил, о правосудный Боже?
И правы старики, и сын не виноват,
И долгу своему игумен верен тоже...
Как разрешить вопрос? Что радость для одних,
Другим - причина для страданья...
Решать я не могу задач таких...
Но только матери рыданья
Сильней всего звучат в ушах моих!

2 февраля

Второе февраля... О, вечер роковой,
В который все ушло: моя свобода,
И гордость сердца, и покой...
Бог знает почему - тому назад три года -
Забрел я к ней. Она была больна,
Но приняла меня. До этих пор мы в свете
Встречались часто с ней, и встречи эти
Меня порой лишали сна
И жгли тревогою минутной,
Как бы предчувствием далеким... но пока
В душе то чувство жило смутно,
Как подо льдом живет бурливая река.
Она была больна, ее лицо горело,
И в лихорадочном огне

С такой решимостью, с такой отвагой смелой
Глубокий взор ее скользил по мне!
От белой лампы свет ложился так приветно;
Часы летели. Мы вдвоем,
Шутя, смеясь, болтали обо всем,
И тихий вечер канул незаметно.
А в сердце, как девятый вал,
Могучей страсти пыл и рос и поднимался,
Все поняла она, но я не понимал...
Не помню, как я с ней расстался,
Как вышел я в тумане на крыльцо...
Когда ж немая ночь пахнула мне в лицо,
Я понял, что меня влечет неудержимо
К ее ногам... и в сладком забытии
Вернулся я домой... о, мимо, мимо,
Воспоминания мои!

7 февраля

Зачем былого пыл тревожный
Ворвался вихрем в жизнь мою
И разбудил неосторожно
В груди дремавшую змею?
Она опять вонзила в сердце жало,
По старым ранам вьется и ползет,
И мучит, мучит, как бывало,
И мне молиться не дает.
А завтра пост. Дрожа от страха,
Впервые исповедь монаха
Я должен Богу принести...
Пошли же, Господи, мне силу на пути,
Дай мне источник слез и чистые восторги,
Вручи мне крепкое копье,
Которым, как Святой Георгий,
Я б раздавил прошедшее мое!

9 февраля

(Из Великого Канона)

Помощник, Покровитель мой!
Явился Он ко мне, и я от мук избавлен,
Он Бог мой, словно Он прославлен,
И вознесу Его я скорбною душой.

С чего начну свои оплакивать деянья,
Какое положу начало для рыданья
О грешном, пройденном пути?
Но, Милосердый, Ты меня прости!

Душа несчастная! Как Ева,
Полна ты страха и стыда...
Зачем, зачем, коснувшись древа,
Вкусила ты безумного плода?

Адам достойно изгнан был из рая
За то, что заповедь одну не сохранил:
А я какую кару заслужил,
Твои веленья вечно нарушая?

От юности моей погрязнул я в страстях,
Богатство растерял, как жалкий расточитель,
Но не отринь меня, поверженного в прах,
Хоть при конце спаси меня, Спаситель!

Весь язвами и ранами покрыт,
Страдаю я невыносимо;
Увидевши меня, прошел священник мимо
И отвернулся, набожный левит...

Но Ты, извлекший мир из тьмы могильной,
О, сжался надо мной! - мой близится конец...
Как сына блудного прими меня, Отец!
Спаси, спаси меня, Всесильный!

13 февраля

Труды говения я твердо перенес,
Господь послал мне много теплых слез
И покаянья искреннее слово...
Но нынче - в день причастия святого,
Когда к часам я шел в собор,
Передо мною женщина входила...
Я задрожал, как лист, вся кровь во мне застыла,
О, Боже мой! она!.. Упорный, долгий взор
Ее заставил оглянуться.
Нет, обманулся я. Как мог я обмануться?
И сходства не было: ее походка, рост -
И только... Но с тех пор я исповедь и пост -
Все позабыл, молиться я не смею,
Покинула меня святая благодать,
Я снова полон только ею,
О ней лишь я могу и думать и писать!
Два месяца безоблачного счастья!
Пусть невозвратно канули они,
Но как не вспомнить в печальный день ненастья
Про теплые, про солнечные дни?
Потом пошли язвительные споры,
Пошел обидный, мелочный разлад,
Обманов горьких длинный ряд,

Ничем не вызванные ссоры...
В угоду ей я стал рабом,
Я поборол в себе и ревность, и желанья;
Безропотно сносил, когда с моим врагом
Она спешила на свиданье.
Но этим я не мог ее смягчить...
С каким рассчитанным стараньем
Умела мне она всю душу истомить
То жестким словом, то молчаньем!
И часто я хотел ей в сердце заглянуть;
В недоуменьи молчаливом
Смотрел я на нее, надеясь что-нибудь
Прочесть в лице ее красивом.
Но я не узнавал в безжалостных чертах
Черты, что были мне так дороги и милы;
Они в меня вселяли только страх...
Два года я терпел и мучился в цепях,
Но наконец терпеть не стало силы...
Я убежал...
Мне монастырь святой
Казался пристанью надежной,
Расстаться надо мне и с этою мечтой!
Напрасно переплыл я океан безбрежный,
Напрасно мой челнок от грозных спасся волн,-
На камни острые наткнулся он неожиданно,
И хлынула вода, и тонет бедный челн
В виду земли обетованной.

10 марта

Как медленно проходит день за днем,
Как в одиночестве моем
Мне ночи кажутся и долги, и унылы!
Всю душу рассказать хотелось бы порой,
Но иноки безмолвны, как могилы...
Как будто чувствуют они, что я чужой,
И от меня невольно сторонятся...
Игумен, ризничий боятся,
Что я уйду из их монастыря,
И часто мне читают поученья,
О нуждах братии охотно говоря;
Но речи их звучат без убежденья.
А духовник мой, старец Михаил,
На днях в своем гробу навеки опочил.
Готовясь отойти к неведомому миру,
Он долго говорил о вере, о кресте,
И пел чуть слышным голосом стихиру:
"Не осуди меня, Христе!"
Потом, заметя наше огорченье,
Он нам сказал: "Не страшен смертный час!"

Чего вы плачете? То глупость плачет в вас,
Не смерть увижу я, но воскресенье!"
Когда ж в последний раз он стал благословлять,
Какой-то радостью чудесной, неземною
Светился взор его. Да, с верою такую
Легко и жить, и умирать!

3 апреля

Христос воскрес! Природа воскресает,
Бегут, шумят весенние ручьи,
И теплый ветерок и нежит и ласкает
Глаза усталые мои.
Сегодня к старцу Михаилу
Пошел я в скит на свежую могилу.
Чудесный вечер был. Из церкви надо мной
Неслось пасхальное, торжественное пенье,
И пахло ладаном, разрытою землей,
И все так звало жить, сулило воскресенье!
О, Боже! думал я, зачем томлюсь я тут?
Мне тридцать лет, совсем здоров я телом,
И наслаждение, и труд
Могли бы быть еще моим делом,
А между тем я жалкий труп душой.
Мне места в мире нет. Давно ли
Я полной жизнью жил и гордо жаждал воли,
Надеялся на счастье и покой?
От тех надежд и тени не осталось,
И призрак юности исчез...
А в церкви громко раздавалось:
"Христос воскрес! Христос воскрес!"

2 мая

"Она была твоя!" - шептал мне вечер мая,
Дразнила долго песня соловья,
Теперь он замолчал, и эта ночь немая
Мне шепчет вновь: "Она была твоя!"
Как листья тополей в сияньи серебристом,
Мерцает прошлое, погибшее давно;
О нем мне говорят и звезды в небе чистом,
И запах резеды, ворвавшийся в окно.
И некуда бежать, и мучит ночь немая,
Рисуя милые, знакомые черты...
О незабвенная, о вечно дорогая,
Откликнись, отзовись, скажи мне: где же ты?
Вот видишь: без тебя мне жить невыносимо,
Я изнемог, я выбился из сил;
Обиды, горе, зло - я все забыл, простил,

Одна любовь во мне горит неугасимо!
Дай подышать с тобой мне воздухом одним,
Откликнись, отзовись, явись хоть на мгновенье,
А там пускай опять хоть годы заточенья
С могильным холодом своим!

4 мая

Две ночи страшные один в тоске безгласной,
Не зная отдыха, ни сна,
Я просидел у этого окна.
И третья ночь прошла, чуть брезжит день
ненастный,
По небу тучи серые ползут.
Сейчас ударит колокол соборный,
По всем дорожкам сада там и тут
Монахи медленно в своей одежде черной,
Как привидения, идут.
И я туда пойду, попробую забыться,
Попробую унять бушующую страсть,
К ногам Спасителя упасть
И долго плакать и молиться!

28 мая

О Ты, который мне и жизнь и разум дал,
Которого я с детства чтил душою
И Милосердым называл!
В немом отчаяньи стою я пред Тобою.
Все наши помыслы и чувства от Тебя,
Мы дышим, движемся. Твоей покорны власти...
Зачем же Ты караешь нас за страсти,
Зачем же мы так мучимся, любя?
И, если от греха нам убежать случится,
Он гонится за нами по пятам,
В убогой келье грезюю гнездится,
Мечтой врывается в Твой храм.
Вот я пришел к Тебе, измученный, усталый,
Всю веру детских лет в душе своей храня...
Но Ты услышал ли призыв мой запоздалый,
Как сына блудного Ты принял ли меня?
О нет! в дыму кадил, при звуках песнопенья,
Молиться я не мог, и образ роковой
Преследовал, томил, смеялся надо мной...
Теперь я не прошу ни счастья, ни забвенья,
Нет у меня ни сил, ни слез...
Пошли мне смерть, пошли мне смерть скорее!
Чтоб мой язык, в безумьи цепеня,
Тебе хулы не произнес;

Чтоб дикий стон последней муки
Не заглушил молитвенный псалом;
Чтоб на себя не наложил я руки
Перед Твоим безмолвным алтарем!

25 сентября

Как на старинного, покинутого друга
Смотрю я на тебя, забытая тетрадь!
Четыре месяца в томлении недуга
Не мог тебе я душу поверять.
За дерзкие слова, за ропот мой греховный
Господь достойно покарал меня:
Раз летом иноки на паперти церковной
Меня нашли с восходом дня
И в келью принесли. Я помню, что сначала
Болезнь меня безжалостно терзала.
То гвоздь несносный, муча по ночам,
В моем мозгу пылавшем шевелился,
То мне казалось, что какой-то храм
С колоннами ко мне на грудь валился;
И горем я, и жаждой был томим.
Потом утихла боль, прошли порывы горя,
И я безгласен, недвижим
Лежал на дне неведомого моря.
Среди туманной, вечной мглы
Я видел только волн движенье,
И были волны те так мягки и теплы,
Так нежило меня прикосновенье
Их тонких струй. Особенно одна
Была хорошая, горячая волна.
Я ждал ее. Я часто издалека
Следил, как шла она высокою стеной,
И разбивалась надо мной,
И в кровь мою вливалась глубоко.
Нередко пробуждался я от сна,
И жутко было мне, и ночь была черна;
Тогда, невольным страхом полный,
Спешил я вновь забыться сном,
И снова я лежал на дне морском,
И снова вокруг меня катились волны, волны...
Однажды я проснулся, и ясней
Во мне явилось сознание,
Что я еще живу среди людей
И обречен на прежнее страдание.
Какой тоской заныла грудь,
Как показался мне ужасен мир холодный,
И жадным взором я искал чего-нибудь,
Чтоб прекратить мой век бесплодный...
Вдруг образ матери передо мной предстал,

Давно забытый образ. В колыбели
Меня, казалось, чьи-то руки грели,
И чей-то голос тихо напевал:

"Дитя мое, с тех пор как в гробе тесном
Навек меня зарыли под землей,
Моя душа, живя в краю небесном,
Незримая, везде была с тобой.

Слепая ль страсть твой разум омрачала,
Обида ли терзала в тишине,
Я знала все, я все тебе прощала,
Я плакала с тобой наедине.

Когда ж к тебе толпой неслися грезы
И мир дремал, в раздумье погружен,
Я с глаз твоих свевала молча слезы
И тихо улыбалася сквозь сон.

И в этот час одна я видеть смела,
Как сердце разрывается твое...
Но я сама любила и терпела,
Сама жила, - терпи, дитя мое!"

И я терплю и вяну. Дни, недели
Гурьбою скучной пролетели.

Умру ли я, иль нет, - мне все равно.
Желанья тонут в мертвенном покое.
И равнодушие тупое
В груди осталось одно.

20 октября

Сейчас меня игумен посетил
И объявил мне с видом снисхожденья,
Что я болезнью грех свой искупил
И рясофорного достоин постриженья,
Что если я произнесу обет,
Мне в мир возврата больше нет.
Он дал мне две недели срока,
Чтоб укрепиться телом и умом,
Чтобы молитвой и постом
Очиститься от скверны и порока.
Не зная, что сказать, в тоске потупя взор,
Я молча выслушал нежданный приговор,
И, настоятеля приняв благословенье,
Шатаюсь, проводил до сада я его...
В саду все было пусто и мертво.
Все было прах и разрушенье.

Лежал везде туман густою пеленой.
Я долго взором, полным муки,
Смотрел на тополь бедный мой.
Как бы молящие, беспомощные руки,
Он к небу ветви голые простер,
И листья желтые всю землю покрывали -
Символ забвенья и печали,
Рукою смерти вытканый ковер!

6 ноября

Последний день свободы, колебанья
Уж занялся над тусклою землей,
В последний раз любви воспоминанья
Насмешливо прощаются со мной.

А завтра я дрожащими устами
Произнесу монашества обет.
Я в Божий храм, сияющий огнями,
Войду босой и рубищем одет.

И над душой, как в гробе мирно спящей,
Волной неслышной время протечет,
И к смерти той, суровой, настоящей,
Не будет мне заметен переход.

По темной, узкой лестнице шагая,
С трудом спускался я... Но близок день:
Я встрепенусь и, посох свой роняя,
Сойду одну последнюю ступень.

Засни же, сердце! Молодости милой
Не поминай! Окончена борьба...
О Господи, теперь прости, помилуй
Мятежного, безумного раба!

В тот же день вечером

Она меня зовет! Как с неба гром неожиданный
Среди холодного и пасмурного дня,
Пять строк ее письма упали на меня...
Что это? Бред или сон несбыточный и странный?
Пять строк всего... но сотни умных книг
Сказали б меньше мне. В груди воскресла сила,
И радость страшная, безумная на миг
Всего меня зажгла и охватила!
О да, безумец я! Что ждет меня? Позор!
Не в силах я обдумывать решенья:
Ей жизнь моя нужна, к чему же размышленья?

Когда уйдет вся братия в собор,
Я накануне постриженья
Отсюда убегу, как вор,
Погоню слышащий, дрожащий под ударом...
А завтра иноки начнут меня судить,
И будет важно им игумен говорить:
"Да, вы его чуждались не даром!
Как хищный волк он вторгся к нам,
В обитель праведную Божью;
Своей кощунственной ложью
Он осквернил Господний храм!"
Нет, верьте: не лгала душа моя больная,
Я оставляю здесь правдивый мой дневник,
И, может быть, хотя мой грех велик,
Меня простите вы, его читая.
А там что ждет меня? Собрание палачей,
Ненужные слова, невольные ошибки,
Врагов коварные улыбки
И шуточки плоские друзей.
Довольно неудач и прежде рок суровый
Мне сеял на пути: смешон я в их глазах;
Теперь у них предлог насмешки новый:
Я - неудавшийся монах!
А ты, что скажешь ты, родная, дорогая?
Ты засмеешься ли, заплачешь надо мной,
Или, по-прежнему, терзая,
Окутаешь себя корою ледяной?
Быть может, вспомнишь ты о счастье позабытом,
И жалость робким, трепетным лучом
Проснется в сердце молодом...
Нет, в этом сердце, для меня закрытом,
Не шевельнется ничего...
Но жизнь моя нужна, разгадка в этом слове -
Возьми ж ее с последней каплей крови,
С последним стоном сердца моего!
Как вольный мученик иду я на мученье,
Тернистый путь не здесь, а там:
Там ждет меня иное отречение,
Там ждет меня иной, бездушный храм!
Прощай же, тихая, смиренная обитель!
По миру странствуя, тоскуя и любя,
Преступный твой беглец, твой мимолетный житель
Не раз благословит, как родину, тебя!
Прощай, убогая, оплаканная келья,
Где год тому назад с надеждою такой
Справлял я праздник новоселья,
Где думал отдохнуть усталой душой!
Хотелось бы сказать еще мне много, много
Того, что душу жгло сомнением и тревогой,
Что в этот вечно памятный мне год
Обдумал я в тиши уединенья...

библиотека на <http://www.christianart.ru>

Но некогда писать, мне дороги мгновенья:
Скорее в путь! Она меня зовет!

1883